

СК ~~Нерасов~~
2001 -

ЛОВЕЦ КОШМАРНЫХ СНОВ

16 марта -
0.9

«Любовь и другие кошмары», новый фильм питерского режиссера Андрея Некрасова, с некоторыми оговорками можно было бы отнести к «независимому мейнстриму», то есть к кинематографу, с одной стороны, пытающемуся придерживаться принципов «авторского кино», а с другой – вполне понятному для массового зрителя и в этом смысле претендующему на некий коммерческий потенциал. Что касается «авторского», то внутри этой категории я бы отнес кино Некрасова к направлению между эзотерическим аутизмом и экстремальным анархизмом: с одной стороны явно чувствуется попытка выстроить сложный ассоциативный ряд, понять который способны лишь «посвященные»; с другой – удовольствием, с каким герои «...кошмаров» стремятся шокировать почтенную публику, матерясь, мастурбируя и не брезгуя лесбосом и группенсексом, позавидовали бы любые крутейшие киноавангардисты из «Стыка» и «СинеФантома». Более того, «плыть» начинаешь уже от самого названия. Публике, владеющей всеми европейскими языками, кроме русского, повезло: ей незачем разбираться в том, что слово «любовь» имеет значение не только самого большого человеческого чувства, но и женского имени (в «экспортной» афише так и написано – LUBOV). Но нашему зрителю уже сложнее. Если «любовь» – это Любовь, женское имя, то что же, главная героиня – это и есть воплощение кошмара, наряду со всеми другими? А если лю-

бовь – это чувство, то оно противопоставляется кошмарам или уравнивается с ними?

Допустим, мне, зрителю, нравится, когда меня в хорошем смысле выводят из равновесия, провоцируют, вовлекают в некую эстетическую или интеллектуальную игру, даже манипулируют мною. Если это получается, я радуюсь и за режиссера, и за себя – ведь мы хорошо провели время, получили удовольствие от общения друг с другом. Но все эти

Ольга Кониска (Любовь)

игры имеют ценность только тогда, когда тот, кто предлагает условия игры, абсолютно уверен в том, чего он хочет добиться и не слишком «опекает» гедомога. Мне нравится, что режиссер щедрым «жестом сеятеля» сыплет эпизодами то на 8- то на 16-, то на 35-миллиметровой

пленке; совмещает игровой эпизод с документальным; пленка сменяется видео, а на титрах остроумно применяется анимация. Однако блестящее владение техническими приемами и виртуозные переходы от одного вида кино к другому не способны скрыть неуверенность автора как драматурга – смело играя со зрителем, он вместе с тем будто сам робеет от этой своей смелости и начинает рефлексировать, объяснять, что он имеет в виду, а потому и впадает в иллюстративность – почти как его лирический герой, который свободно (и даже чересчур свободно) владея русским языком, пытается завести знакомство с краси-

выми (ну, просто глаз не оторвать!) русскими девушками по-английски и сам же признает этот способ «идиотским».

По сюжету, Алекс, главный герой картины, работает над программой, которая «записывала» бы сны и переводила бы их в аудиовизуальную форму. Поэтому определяющими в смысловой структуре фильма кроме «любви» и «кошмаров» являются еще два слова – «сон» и «убийство» («kill» произносится в фильме едва ли не чаще, чем, извините, «fuck»). Для берлинской и роттердамской публики насчет любви и кошмаров все более или менее понятно: если зритель питался за 10 лет идеями полит-

корректности, то страдающая киллерша-лесбиянка, превратившаяся в пацифистку-бисексуалку, не станет для него кошмаром, а следовательно поводом для эстетического шока. А для нашей...

Вариаций на тему убийства много: женщина-киллер; аборт, как «узаконен-

ное детоубийство»; послевоенные развалины Грозного... «Убивает» не кошмарный сон, «убивает» сама реальность, которая оказывается кошмарнее самого страшного сна. Алкоголики, бомжи, криминальные авторитеты, киллеры, политики, женщины после аборта и мужики, разбирающие завалы после войны – вот они, рядом, мы к ним привыкли, мы закрываем глаза, впадаем в «астенический синдром». Но весь этот жизненный материал явно не втискивается в рамки «упражнения на тему», как Некрасов сам обозначает свой фильм, и вместе с тем слишком определен и самоочевиден для «сна».

Кстати, название студии, выпустившей картину в свет, символическое – «Дримсканнер» (попытаемся перевести это как «сканер снов», или «сновоявитель»). Автор в некоторой степени ассоциирует себя с Алексом, который «снимает Страну Снов на видео» (цитата из давней компьютерной игрушки), собирается продать результаты своих трудов на Запад и вместе с тем теряет счастье, любовь, интерес к творчеству. Некрасов, запечатлев на пленке «сон», сначала «обкатал» его на фестивальной публике Берлина и Роттердама, затем показал его журналистам и, наконец, устроил премьеру в Центральном Доме кино. Судя по всему, вопрос о «соблюдении невинности» уже не стоит, дело в другом: стоит ли двигаться в сторону «приобретения капитала», от «независимого мейнстрима» в сторону коммерческого? Некрасов для себя эту проблему не решил, и это добавляет в его «...кошмары» еще одну драматическую краску.

Игорь ПЕРУНОВ

05
Некрасов Андрей
(режиссер)

16.3.01